

ОГПУ ПРОТИВ АДЕПТОВ САТАНЫ

ЧЕКИСТЫ

ВОЛКИ СТАЛИНА

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Чекисты. Волки Сталина

Сергей Зверев

Черный треугольник

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Черный треугольник / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2022 — (Чекисты. Волки Сталина)

ISBN 978-5-04-176795-2

1930 год. В стране идет коллективизация, которая встречает ожесточенное сопротивление контрреволюции, не брезгующей открытым террором и кровавыми оргиями. Сашка, молодой сотрудник ОГПУ, такой мистический ужас испытал впервые. По наводке осведомителя Пономаря пошел он с напарником на заброшенный винный склад брать спекулянта. А нашел посреди зала разложенный в форме звезды труп молодого человека с торчащим в груди кинжалом. Но самое жуткое заключалось в том, что безжизненное тело располагалось строго в центре начертанного чем-то, весьма похожим на кровь, треугольника. Не теряя времени, оперативник помчался к осведомителю, чтобы выпытать у него все подробности: с кем должен был встретиться спекулянт, какой товар отдать. Встретились они в тихом месте, но не успели перекинуться и парой слов, как раздалась оглушительная стрельба, и сраженный пулей Пономарь рухнул замертво. И тогда понял Сашка: с этой минуты его жизнь в руках кровожадных и предельно фанатичных убийц-сатанистов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-176795-2

© Зверев С. И., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Иванович Зверев

Черный треугольник

© Зверев С.И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Меня трясло так впервые за все мои тринадцать лет жизни. Будто тисками сдавило голову, а сознание отошло куда-то на второй темный план, уступив место всеобъемлющему ужасу и одному подавляющему стремлению – бежать! Но даже бежать я не мог, а только рухнул на колени.

Начальник штаба полка взволнованно бросился ко мне:

– Сашка, что с тобой?

– Отсюда! Все отсюда! – из последних сил закричал я.

В той украинской мазанке кроме меня было три человека – все командование полка. Испугавшись, они вытащили меня, юного красноармейца, во дворик, на свежий воздух. Успели вовремя. Мазанку накрыло польским снарядом. Красиво она разлетелась. В пыль и в хлам. Но зато выжили все, хотя без контузий не обошлось.

Этот случай настолько потряс всех чудом спасенных, что его долго предпочитали не вспоминать. Было в нем что-то запредельное, не от мира сего. А мне это ощущение близкой смерти и стремление вырваться из ее цепких лап не раз потом спасало жизнь и в боях, и на службе в ОГПУ. Оно и неудивительно. Кто смерть чувствует, у того жизнь длиннее.

Вот и сейчас меня будто обдало потусторонним холодом. И я ощутил присутствие ее, костлявой. Не резкое и опасное, зовущее к немедленному действию, а вязкое, растянутое во времени и в пространстве. А еще я ощутил укол в затылок – как от недоброго взгляда.

Вздыхнув поглубже свежий ночной майский воздух, я почувствовал, как в голове становится яснее и тревога отступает. Чего я переполошился? Психиатры утверждают, что есть такая болезнь – мания преследования. Это когда враги с вилами и обрезами за каждым кустом мерещатся.

Но тревожило еще и то, что время давно вышло. А покупателя как не было, так и нет.

Информацию мне принес в клювике мой осведомитель со звонким псевдонимом Пономарь, да еще так бодро верещал и крылышками бил в надежде на начальственную похвалу и заслуженную премию. В общем-то сама информация была неопределенная и вроде как ни о чем. Какой-то юный старообрядец-сектант, которого только по имени и знают – Савва, должен принести какой-то очень дорогой и, может, даже запрещенный предмет, связанный с отправлением религиозного культа, покупателю и получить за него что-то тоже важное и весомое. Нормально так, в лучшем стиле русских народных сказок – неизвестно, непонятно, таинственно, но здорово!

Связываться с этим у меня сильного желания не было. Все же признаков контрреволюционной деятельности я в упор не видел. А кто-то кому-то что-то продает – так это не наше дело. Хотя, как положено, доложил своему любимому начальнику. И Раскатов неожиданно оживился:

– Надо брать!

– А за что? – не понял я.

– Ну там спекуляция, противоправный оборот чего-нибудь. У нас башка большая, придумаем, – в обычной своей грубой манере ответил Раскатов, шарахнув привычно ладонью по столу.

– Максимильтян Данилович, а смысл есть? – с сомнением поинтересовался я.

– Надо не на каруселях в парке кататься, а директивы из Москвы читать. Или они для дураков написаны, а ты у нас умник? – с готовностью встал на дыбы начальник, припомнив, как однажды увидел меня с женой в очереди на «Чертово колесо» в городском парке. – Там ясно написано: «пристальное внимание уделять поиску и изъятию уникальных культовых предметов, особенно связанных с сектами и тайными обществами».

– О как!

– В общем, бери Сына Степей. И представить перед мои очи торгашей и предмет торга... Вы все поняли, Александр Сергеевич?

– Так точно, – вздохнул я.

И вот затаились мы, боясь дышать. Как там сказано в горячо полюбившемся мне романе «Двенадцать стульев»: «Гаврила ждал в засаде зайца». Один «заяц» давно на месте, а другого все не видать. А тревога никуда не девается. И светать уже скоро будет.

Точку наблюдения я выбрал в редком кустарнике на пригорочке, расчистил угол обзора. Спрашивается, зачем для банального акта купли-продажи выбирать такое запущенное место? Это было здание старого винного склада за рекой, город здесь присутствовал, но как-то ненавязчиво. Три года назад тут пылал большой пожар. Целыми остались только длинный закопченный остов бывших винных складов купца Евграфьева и несколько кривых, покосившихся, приземистых кирпичных строений тоже складского назначения, образующих некое подобие городского квартала. Позже место расчистили от погоревших домов и хотели что-то строить, потом забросили. Сейчас вокруг зеленел кустарник, ближе к воде росли плотным строем камыши.

Местечко издавна считалось гиблым, селились в нем люди с большой неохотой. И ныне предпочитают обходить его стороной, считая, что ночами здесь собирается всякий уголовный сброд. Но только и сброд тут бывает редко.

Ну все, пора и честь знать. Время вышло.

Я подал условный знак – крик одинокой и жутко озабоченной птицы, как в разведке Рабоче-крестьянской Красной армии учили. И вскоре кусты зашуршали, возник Амбага – приземистый, юркий и страшно говорливый мой ровесник, вечно возмущенный чем-то и взъерошенный, как воробей. Тут же принялся нашептывать, что контра совсем от рук отбилась, никуда вовремя прийти не могут.

– Брать пора продавца, – решительно произнес я.

– На чем брать? Покупатель еще не пришел, – возразил мой соратник.

– Вряд ли уже придет. И вообще, не нравится мне это.

– Мне как-то тоже, – согласился Амбага. – Зябко и жрать нечего.

– Тебе бы только жрать, – хмыкнул я, аппетит у соратника, несмотря на его тщедушное телосложение, был завидный, даже легендарный. – Решено. Пошли. И осторожнее.

– Не учи степняка, – гордо ответил Амбага.

Был он по национальности монголом, но его предки давным-давно переехали в нашу область, так что монгольского языка он не знал, в степи ни разу не был, но всегда гордо козырял при любом случае «мы, степняки», за что получил в отделе прозвище Сын Степей.

Я извлек из-за пояса свой старый добрый «наган». А Амбага достал откуда-то из кармана просторной холщовой куртки тяжеленный фонарь с аккумуляторами – немецкий, большая редкость и вещь в нашей профессии сильно полезная.

Тропинка в траве была натопанная, что намекало на присутствие время от времени людей. Я споткнулся о какую-то подлую каменюку, отбив ногу. Потом, опасаясь поднять шум и ступить в нечистоты, которых здесь богато, мы пробирались между почерневшими от огня покосившимися кирпичными строениями. Мне все казалось, что они прямо сейчас рухнут нам на голову горным обвалом, погребя отважных чекистов. «И никто не узнает, где могила моя».

У главного и единственного входа в складское помещение мы встали по обе стороны двери и прислушались. И опять я будто ощутил укол чьего-то недоброго взгляда. Огляделся. Никого. Да что же это со мной!

Набрав в легкие побольше воздуха, стараясь двигаться мягко и бесшумно, мы шагнули в помещение.

Там было пыльно, глухо, лежали доски, истлевшие корзины, по которым заскользил луч фонарика.

Прошли через пару извивающихся коридоров. По идее, где-то впереди должно было быть большое складское помещение.

– Выключи фонарь, – прошептал я.

Свет погас. А впереди я увидел бледное желтое свечение. Свет мерцал слабо. И манил нас, как мотыльков.

Я вбирал в себя все звуки, потоки, запахи, сквозняки. И осторожно продвигался вперед. Сейчас главное, почувствовать чужое присутствие раньше, чем почувствуют тебя. Шаг за шагом...

Никакого постороннего шума, чужого движения я не ощущал. Нет здесь никого? А куда делся юный старовер?

Я стиснул рукоятку «нагана». Нервы были на взводе. Место мне не нравилось все больше. Тревога нарастала. И я готов был стрелять при малейшей опасности.

В дверном проеме открылся большой складской зал. Он был слабо освещен догорающей в центре огромной церковной свечой, такие используются при особо торжественных богослужениях.

– Пошли, – кивнул я.

Присутствия чужих я все так же не чувствовал, но что-то холодное и нехорошее здесь имелось.

Амбага включил фонарь, мазанул лучом света по стенкам, по ровному каменному полу и удивленно воскликнул:

– Ух ты. Звезда красная. Прямо как с плаката.

Он высветил на полу звезду, нарисованную бурой краской.

– Ну да, партсоборание тут было, – хмыкнул я, ощущая, как ледяная змейка ползет по спине.

Не наша это была звезда. Не с плаката и не с буденовки. Хотя бы потому, что на ее концах краснели непонятные символы. И по причине начитанности и интеллигентности, мало свойственным людям нашей беспокойной профессии, я знал, что это означает.

– Гниль здесь, Амбага, – процедил я. – Надо внимательно осмотреться.

Впрочем, долго осматриваться не пришлось. Еще один пробег вокруг – уже помедленнее – луча фонарика. И вот она, темная масса в самом углу, на полу, предварительно очищенном от мусора, деревяшек и разломанных винных бочек.

Юный продавец по имени Савва лежал, раскинув руки и ноги, тоже в форме звезды. В груди его торчал кинжал с длинным лезвием и массивной серебристой рукояткой, который пронзил грудь и пришил к ней старинную тонкую книжку без обложки. Безжизненное тело располагалось строго в центре начертанного чем-то весьма похожим на кровь треугольника.

– Ох ты ж пердимонкль какой! – ошарашенно воскликнул Сын Степей.

Глава 2

– Ты меня тревожишь не на шутку. Какой-то сам не свой. Дома не ночуешь. Выглядишь как привидение. – Варя критически оглядела меня с ног до головы – помятого, небритого и совсем непрезентабельного. Раздумывала сейчас, наверное: и зачем ей такое сокровище? Хотя нет, не раздумывала. Потому как я действительно сокровище – ну, конечно, с большой натяжкой и под определенным углом зрения.

Вернувшись с ратных подвигов, нашел я родную жену в специальном помещении областной больницы номер один, где она закладывала в автоклав хирургические инструменты с целью их стерилизации для последующего рассечения и сшивания человеческой плоти. Работа такая. Кто-то людей дырявит, как я. Кто-то сшивает, как Варя. И все в рамках одной семьи. Диалектика, однако. Единство и борьба противоположностей.

– Работа заела, – виновато развел я руками. – Ночная смена. Как говорится в народе – работа огородная, да слава всенародная.

– И много славы наработал? – улыбнулась Варя, раздумавшая пилить меня за то, что исчез, ничего не сообщил и шатался неизвестно где.

– Да какой там, – махнул я рукой. – Одни расстройства и никаких лавровых венков.

– Давай чаем тебя напою с бутербродами, герой, – сказала жена.

Автоклав запищал. Варвара достала и разложила угрожающего вида инструменты. Водрузила их на положенное место. И мы отправились в ее сестринский кабинет.

Вскоре я сидел за раскачанным металлическим столиком. Вот сколько уже Варя сменила больниц, а столики везде такие – металлические и раскачанные. И чай все такой же из ее рук – с волшебным ароматом и изумительным вкусом. У нее вообще все получается на пять баллов, о чем я, закоренелый троечник, могу только мечтать.

Всегда, когда я вот так сижу, мелкими глотками глотаю ароматный чай, а Варя смотрит на меня своими бездонными глазами, тут и снисходит истинное умиротворение. Все проблемы будто отдаляются, усталость отступает.

А вымотался я прилично. Бог с ней, с бессонной ночью. Даже риск, опасность и труп на полу не так действовали. Но последовавшая, казавшаяся бесконечной, суэта с формальностями. Рапорта, осмотр места происшествия... Ух, врагу не пожелаешь. Да и некий шок от увиденного тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Я с удовольствием балуюсь чтением легкой беллетристики. Особенно будоражат кровь разные готические романы, которые были модными перед самой революцией, и до сих пор ими завалены букинистические лавки. А в этой литературе любимая тема – всяческие темные ритуалы. Именно такие – с пентаграммами, малопонятными значками и человеческой кровью. Конечно, драматизм и эффекты, которые больше годны для кино, я люблю. И, читая про ужасные кровавые действия, я бы непременно был доволен таким поворотом сюжета, ведущим к раскрытию страшных потусторонних тайн. Только вот это был не готический роман, и кровь пролилась настоящая. До сих пор перед глазами тело юнца, которого прокололи кинжалом, как какую-нибудь редкую бабочку иголкой. И появившиеся в связи с этим тайны вовсе не звали в романтическую даль и к волнительным приключениям, а легли тяжелым грузом на мои плечи, потому что искать ответы предстоит мне. И не факт, что это вообще удастся. Как говорят, жди ответа до лета.

После обнаружения нами тела началась толкотня, как в очереди за хлебом. Незамедлительно возникла масса народа. Тут тебе и милицкий наряд, и дежурный из нашего постпредства, и следственно-оперативная группа из сотрудников угрозыска и следователя прокуратуры. Криминалист добросовестно щелкал фотокамерой с магниевой вспышкой, а потом опылял поверхности порошками, пытался перенести на дактилоскопическую пленку Рубнера следы

пальцев рук. Энергично, как тигр в клетке, мерил шагами пространство как всегда выглядящий веско и благородно Вениамин Ираклиевич Яцковский, роняя время от времени свое весомое судебно-медицинское слово.

Судмедэксперт Яцковский – это вообще отдельная тема. Я знал его достаточно хорошо. Он работал хирургом, и Варя, не раз бывавшая у него операционной сестрой, утверждала, что специалист он очень сильный. Заодно по совместительству он подрабатывал в отделе судебных экспертиз. Так что время от времени мы с ним встречались в больнице номер один и на местах происшествий. Был он высок, атлетичен, статен, вальяжен, полон снисходительного мужского обаяния. Женщины в его присутствии таяли как воск. А во мне поднималась иррациональная волна ревности, когда я думал, что как воск может растаять и моя Варвара. Хотя, конечно, волновался я зря. Ревность – чувство реликтовое. А если твоя женщина растает при виде фактурного самца, ну, значит, такой у нее выбор и ты в ней ошибся. Но только не ошибся я в Варе ни на йоту и знал это наверняка.

– Причина смерти – колотая рана, – диктовал бодро и быстро, как заведенный, Яцковский. – Жертву оглушили ударом по голове, тупым тяжелым предметом. Мне кажется, что били кулаком. Для этого нужна приличная физическая сила, чтобы в лоб сшибить. После этого уложили, придав нынешнюю позу. И пришили одним очень сильным ударом. Пробить сразу книгу и грудь – это постараться надо. Красиво сделано. – Он аж причмокнул.

Я не раз замечал, что он как-то преображается, когда осматривает безжизненные тела. Что-то хищное, мутное и слегка безумное возникает во взоре, как у большинства патологоанатомов и хирургов, считающих человека лишь машиной, притом с коряво подогнанными и изношенными деталями.

– Кроме того, что убийца здоров физически, что можете сказать? – спросил я.

– Могу сказать, что такого я за почти пятьдесят лет своей жизни не видел...

При тщательном осмотре места происшествия картинка стала в целом понятной.

Мы были уверены, что из винного склада имеется всего лишь один выход. Но оказалось, что под комплексом строений существует запутанная система подвалов, которыми и воспользовался убийца. Почему бы ему не заявиться, как приличные люди, через парадное? Или засек нас?

Убийца с жертвой встретились на складе. Потом произошло страшное. Интересно, расправа была запланированная или спонтанная?

Убитый – невысокий сухощавый парнишка лет, думаю, двадцати, с мозолистыми руками, свидетельствующими о привычке к тяжелому физическому труду. Никаких документов или предметов, позволяющих установить его личность, при нем обнаружено не было. Кто это такой, откуда взялся?

И книга на его груди. Она была старинная, без кожаной обложки, рукописная, а не напечатанная, всего на несколько десятков листов. Ей минимум лет двести. «Книга толкований». Как я понял, переписанные от руки избранные места творения протопопа Аввакума. Вещь, в общем-то, не редкая, но в связи с возрастом относительно ценная. И не заслужившая, чтобы ее проткнули кинжалом.

Я отхлебнул чая, встряхнул головой, отгоняя еще свежие воспоминания и пытаюсь переключиться с рабочего ритма на ритм душевного отдохновения. Но произошедшее меня не отпускало и тянуло за язык, притом так, что противостоять этому было невозможно. Мне хотелось высказаться. И чтобы кто-то посочувствовал моим трудностям. А кто умеет сочувствовать лучше, чем Варя? В этом деле она истинный профессионал.

– С твоим хирургом работали, – сказал я, прихлебывая чай.

– Что, убили кого? – встревожилась Варя.

Напускать туману и делать из всего тайну смысла не было. Все равно вскоре весь город будет знать и полниться слухами. И я выложил ей коротко, без подробностей, наши похождения на винном складе.

Она изумленно смотрела на меня. А потом воскликнула:

– Жертвоприношение!

– Думаешь?

– Саша, это классическое жертвоприношение!

– Кого вы тут в жертву приносите! – послышался громовой голос.

И на пороге возник Богдан Чиркаш собственной персоной. Заведующий идеологическим отделом обкома, пламенный оратор и вечный пациент горбольницы номер один. Раскатов, поднаторевший давать всем прозвища, именовал его Идеологом.

– Пока что только примеряемся, – шуткнул я в ответ и тут же прикусил язык, потому как шутки до Чиркаша доходят с трудом, зато бдительная чуйка у него работает постоянно и в форсированном режиме.

– Это ты, Александр Сергеевич, про находочку вашу ночную? – без приглашения приземлившись на стул, который заскрипел, готовый развалиться под тяжестью тела, спросил Идеолог.

– Вы-то откуда знаете? – насупился я.

Не то чтобы я недолюбливал Чиркаша, но его присутствие создавало массу неудобств. Его было слишком много. С его приходом, здорового, пузатого, напористого, сразу становилось тесно. Он излучал неумный оптимизм, гармонично сочетающийся с крайней подозрительностью и гипертрофированной пролетарской принципиальностью, а также бескрайнюю твердокаменную самоуверенность.

– Так мой долг партийный – такое раньше всех узнавать. Что обо всем этом думаешь? – пристально посмотрел на меня Чиркаш, так что я отставил чашку. Допивать чай как-то расхотелось.

– Рановато выводы делать, – произнес я. – Скорый поспех – людям на смех.

– Попомни мои слова – это старообрядческая гниль, – сел на своего любимого конька Чиркаш. – Это от их религиозного мракобесия все зло у нас. Пока не выжжем эту скверну, так и будут дела нехорошие твориться.

Я только пожал плечами. И поспешно распрощался, сославшись на неотложные дела. А Варя принялась за пациента. Чиркаш три раза в неделю ходил к ней на процедуры. У него были большие проблемы со спиной после белогвардейских застенков. И в рабочем состоянии его поддерживали медикаментами и массажем.

С досадой отметил, что короткий разговор с Идеологом уронил мое ставшее было выправляться настроение. Ладно, бог с ним. У меня и правда сегодня еще кое-какие неотложные дела. Только освободившись с места происшествия, я подал условную весточку о срочной встрече с осведомителем Пономарем. И теперь мы должны были увидеться в укромном месте, на Спасской улице, вдали от чужих глаз.

Туда я и отправился, выйдя из больницы. И по мере приближения к цели, под стук трамвайных колес и в непередаваемом коктейле запахов, шума и тесноты деревянного вагончика, на меня накатывало все более дурное настроение. Я осознал, что холодное ощущение смерти за моей спиной вовсе не ушло. А только становилось сильнее. Я будто ступал на тонкий лед...

Глава 3

Я на ходу прыгнул с подножки переполненного трамвая. На улице было многолюдно. Народ возвращался со смены. Кто-то растекался по шалманам, чтобы пригубить стопочку после рабочего дня. Кто-то благопристойно следовал домой, к семье. Обычная городская суета. Все накатанно и привычно. Только мне, сотруднику ОГПУ, в этой толпе известно, что в город воткнулось холодное лезвие. Оно уже пронзило грудь бедолаги на винном складе.

Я лавировал в толпе, прикидывая список вопросов. А их у меня накопилось много, и я надеялся, что хотя бы на часть из них Пономарь мне ответит. К стыду своему должен признаться, что изначально снял я с него предварительную информацию поверхностно. Не вдавался подробно, как ему удалось ее узнать, при каких обстоятельствах. Ухватил сведения о самом факте и ретиво побежал рыть носом землю. Эх, пока что мне, молодому балбесу, не хватает хватки, извините за тавтологию. Вон, видел я не раз, как старшие товарищи работают. Агента сразу досуха выжимают, до самой мельчайшей детали. А у меня все кавалерийские наскоки и презрение к мелким подробностям, которые часто и становятся залогом успеха. Не раз корил себя за эту поспешность, обещал исправиться – и вот опять.

Но ничего. Сейчас из Пономаря выжму все. Пусть до ночи буду пытаться, но ясность в ситуацию он мне внесет!

Пономарь оперативно освещал всякие религиозные группировки. Он вечно ошивался около монастырей, старообрядческих общин, богомольцев и честно отработывал свой хлеб, предоставляя на них компромат. Где-то там подцепил и информацию об этой сделке...

Ощущение незавершенности угрозы и какого-то диссонанса так и не оставляло меня. Это утомляло, и я одернул себя. Все же волю чувствам давать нельзя. Ведь не раз случалось так, что они заводили меня в какие-то дебри, а на проверку оказывались пшиком.

Так что, расправив плечи, я пободрее зашагал вперед. Путь мой от трамвайной остановки лежал к кинотеатру «Луч». Потом я срезал дорогу через старые казармы, место хулиганское.

Встречавшиеся компании молодежи взирали на меня настороженно, а то и агрессивно. Я немножко напрягся, когда от одной из групп антиобщественных типажей отделился мелкий шнырь, из тех зачинателей скандалов, что подкатывают с наглым требованием: «Эй, шляпа, дай закурить». Но он тут же отчалил в сторону, демонстративно сплюнув на землю. Вообще, меня уже давно не задирали на улицах. Все же телесный объем, вес и самоуверенность придают тебе свойство ледокола, который спокойно ходит по любым льдам.

За казармами я перешел через каменный мостик, перекинувшийся через узкую речушку Даниловку, и очутился в Голландской слободе. Когда-то здесь действительно жили голландские купцы, край в то время процветал и стоял на торговых путях. Сегодня голландцев не осталось, зато сохранилась былая аккуратность, геометрически правильная застройка, брусчатка с электрическими фонарями. Сегодня здесь в двух-трехэтажных домиках располагались конторы речфлота и мясозаготовок, а также проживал всякий чиновничий люд невысокого полета.

Там, рядом с заколоченным досками костелом из красного кирпича, ждал меня Пономарь. Вон он прогуливается возле афишной тумбы – мелкий, тщедушный, с клочковатой бороденкой и шальными глазами. Одет в тряпье, на плече сума – ну чистый странник, такие до революции толпами бродили по всей стране. Сейчас их поубавилось, но тоже немало осталось – шатаются по подворьям, монастырям, питаются слухами, их же и распространяют. Эта внешне безобидная публика может быть весьма вредной в руках антисоветского элемента, умеет она подогревать народ разными небылицами и зажигать пламя недовольства. Но может быть и полезной в хороших руках, таких как мои.

И эти хорошие руки сейчас будут трясти бродягу Пономаря как грушу. Он наверняка сам не представлял опасность добытых сведений, иначе, при его пугливом характере, просто

промолчал бы. И сейчас, узнав о кровопролитии, примется всячески отлынивать, искать причины, чтобы спрыгнуть и уйти в тину. Так что привлечь его к дальнейшей разработке будет крайне затруднительно. Но деваться ему все равно некуда.

– Ну заварил ты кашу, – сказал я, приблизившись к нему.

– Какую кашу? Где каша? – затараторил Пономарь.

– Да с этим твоим Саввой, – начал я.

И тут меня накрыло. Почти так же, как тогда, перед артобстрелом в украинской мазанке, только, понятное дело, без истерик и криков. Все внутри завибрировало: «Опасность! Смертельная!» И это в огромном городе, среди бела дня, а не в наполненном кулацкой нечистью ночном лесу! Конечно, это выглядело со стороны странно и даже дико. Но я, не раздумывая, повинаясь спасительному импульсу, рухнул на брусчатку, ударившись коленом и локтем так, что слезы брызнули из глаз.

Как-то приглушенно отозвалось: «Ну и дураком же я сейчас выгляжу». И следом кольнула болезненно-маразматичная мысль, плавающая в гамме раздгерганных чувств, – лучше бы предчувствия сбылись, чтобы не смотреться жалкой пугливой тварью. Ну и накликал.

Первая пуля пролетела где-то совсем рядом. Прямо надо мной. И я знал, что предназначена она была именно мне. Уже потом слух различил грохот выстрела. Били откуда-то справа. По звуку – похоже, шмаляли из чего-то такого серьезного, типа «маузера».

– Ложись! – крикнул я Пономарю, но было уже поздно.

Еще один выстрел. И что-то грузно шмякнулось рядом. Потом это что-то пискнуло и затихло. Краем глаза я различил валяющееся на брусчатке тело Пономаря. Порыв кинуться к нему, помочь был тут же смыт чувством самосохранения. Сперва самому выжить надо!

Я перекатился, сумел достаточно ловко вскочить на ноги.

Грохнул еще выстрел, и по бедру будто горячая спица прошла. Но нога не подкосилась, не онемела. Не первое мое ранение, и на автомате я оценил его как поверхностное. Если ноги не подгибаются и бежать можешь, это не ранение, а пустяк. А сейчас бежать – это единственная возможность спасти свою драгоценную шкуру. И хорошо, что до арки двухэтажного дома рукой подать.

Отчаянным прыжком я укрылся за афишной тумбой. Только это так себе защита, хлипкая. Пуля «маузера» ее может и пробить. Поэтому надо рвать вперед.

Набрав дыхание, зигзагами, как заяц, бросился в арку дома... Шаг, другой... Быстрее!

Прислонился к обшарпанной стене, перевел дыхание. Выдернул из-за пояса «наган». Против «маузера», который бьет на километр, конечно, моя игрушка не тянет. Но и стрелок не будет там торчать вечно. Или убежит. Или решит подойти поближе и тогда напорется на мой вежливый ответный огонь...

Послышался милицейский свисток. Топот ног.

И я понял, что стрельба на сегодня закончена. Внутренний холод отступил. На его место пришла нервная пустота.

Вскоре я смотрел на тело Пономаря. Пуля аккуратно пробила ему голову.

Ну что, Александр Сергеевич, поигрался в бюрократу, пристроился в теплом кресле областного ОГПУ, пообвыкся с бумажной работой, так пора и честь знать. Опять ты на передовой, где пули свистят. И опять смерть рядом – собирает свой урожай...

Глава 4

Боже же мой. За что мне такие муки? То по трупам идти приходится. То рапорта писать и объяснения... Да, такого давно не было – два убийства за два дня фактически в моем присутствии.

Зато будто струна натянутая лопнула со звоном. И я осознал, что топор уже не висит непосредственно над моей головой. Но и не убран подальше, а скорее отложен, хотя враг может извлечь его снова в любую минуту. Ох, сказать, что все это мне не нравилось, – не сказать ничего. Я точно вляпался во что-то очень серьезное, и теперь в сторону уже не отойдешь.

Подстрелили моего осведомителя действительно из «маузера». Хорошая машинка. Послевоенный калибр девять миллиметров, эффективная дальность стрельбы до трехсот метров, но требует твердой руки и хорошей подготовки. Били метров со ста, притом снайперски. Стрелок выбрал позицию на балконе костела. Если бы не моя интуиция, то меня тоже положил бы. А так только ранил, да и то пуля всего лишь чиркнула по ноге. Считай, царапина – перевязал и забыл.

Стрелок сработал на оценку «хорошо». До пятерки недотянул, поскольку одна цель не была поражена. Но для диверсанта важно не только уложить цель, но и незаметно уйти с места акции. А отход был подготовлен настолько качественно, что мероприятия по преследованию, опрос местных жителей ничего не дали. Равно как и осмотр места происшествия.

Вопреки своему обыкновению, Раскатов не стал распекать меня, кричать и лупить кулаком по столу. Наоборот, пригласил садиться. Накатил коньяка в серебряные рюмки. И приказал:

– Пей!

Как у закоренелого спортсмена, отношение к выпивке у меня непримиримое. То есть практически не пью и от этого нисколько не страдаю. Поэтому начал отнекиваться.

– Тебе расслабиться надо, Сашок. Пей! – гаркнул начальник.

– Надо, – горестно согласился я и опрокинул в горло обжигающий напиток.

После второй рюмки, оценив мой вспыхнувший ярче обычного румянец на щеках, Раскатов удовлетворенно кивнул:

– Процесс излечения пошел... А теперь выкладывай, что думаешь?

– А что тут думать. Гарантию даю, что два убийства связаны между собой. Уверен, что у винного склада лиходея каким-то образом засек нас. При этом спокойно завершил кровавое дело. И спокойно ушел.

– Почему так думаешь?

– Скажете же, что поповские сказки. А я почуял там взгляд... И на площади почуял, иначе первая пуля мне бы досталось.

– Барометр ты наш... Продолжай.

– Осознав, что сделка на винном складе засвечена, неизвестный стал продумывать источники утечки. И вспомнил о Пономаре.

– Значит, между ними связь была.

– Должна была быть. В общем, проследил он за нашим осведомителем. Версию проверял, прикидывал, не потянут ли того в ОГПУ на разговор. И в яблочко попал – Пономарь как раз с уполномоченным и встретился.

– На тебе написано, что ты огеппэушник? – скептически полюбопытствовал Раскатов, законно предположив, что в темноте у винного склада если убийца и видел меня, то вряд ли бы рассмотрел достаточно хорошо, чтобы потом опознать.

– Значит, написано... В общем, решили враги устранить угрозу самым простым и радикальным методом – парой выстрелов из «маузера». Ну вот кем надо быть, чтобы сразу стрельбу открывать!

– Опытным и расчетливым врагом. Видимо, он сильно боялся, что осведомитель передаст нам еще какую-то информацию. И допускал, что эта информация уже у тебя. Потому решили положить вас обоих.

– Для меня непонятно, как Пономарь в такое осиное гнездо проник, – задумчиво произнес я. – Кто его, бродягу, к серьезным людям пустит?

– Случайно наверняка. Где-то что-то услышал, а потом попал под прицел. Нужно его контакты проверять, – выдал Раскатов начальственное указание, которое меня не слишком порадовало.

– В последнее время Пономарь терся при Свято-Троицком монастыре и Среднем подворье. Да и еще черт-те где. Но там что-то узнать маловероятно. Проходной двор.

– Все равно подработать надо.

– То есть дело мы себе берем? – задал я главный вопрос.

– А ты в угрозыск все сплавить хочешь? – усмехнулся Раскатов. – Дело по винному складу официально на них. Но неофициально... Такие казусы – это наша сфера. Я уже кое-кому сообщил. И не дай бог, если после этого гости столичные нагрянут.

– С чего это? – удивился я.

– А их такие факты, с пентаграммами всякими, сильно забавляют. Так что активнее надо работать.

– Нам хлеба не надо, работу давай.

– Вот именно. А для начала надо установить, кто такой этот Савва, – постучал мой руководитель пальцем по лежащей перед ним фотографии, сделанной в судебном морге. На ней был убиенный неизвестный парень.

– Если местный – установим. А если залетный... – с сомнением протянул я.

В принципе, установление личности – процедура отлаженная. Рассылаются запросы в соответствующие картотеки. Фотографии разыскиваемого помещают на стенды возле милицеских подразделений и разных государственных учреждений. Газеты еще есть. Все это должно работать как часы. Теоретически. Но фактически у нас, правоохранительной системы Страны Советов, отсутствует централизованный учет населения. После революции отменили паспорта как наследие тяжелого прошлого. Сегодня их заменяют трудовые книжки, справки из колхозов, удостоверения личности, которые вовсе не обязательны. Руководство ОГПУ не первый год проталкивает идею паспортизации населения, но пока успеха в этом не имеет. Так что беспаспортное население достойному учету не поддается. Контроль за ним ослаблен. Штатается народ где хочет, без пригляда. А ведь при ставшем уже очевидном усилении классовой борьбы, когда антисоветские организации растут как грибы, беспаспортный режим – это непозволительная роскошь. И как тут чего искать?

В общем, перспектива установления личности неизвестного ввергала меня в уныние. И даже если удастся зацепить что-то по учетам, это все очень долго. Пока почта дойдет. Пока обработают запрос. Пока ответ направят.

– Разрешите, товарищ начальник управления? – послышалось после вежливого стука.

– Заходи, – кивнул Раскатов гостю.

В кабинет зашел Казарян, заместитель начальника моего СО (секретный отдел). Это был приземистый, с борцовой фигурой и реденькими седыми волосами на голове армянин – он отличался веселым нравом, был хитер, как змей, и опытен, как черт. Под мышкой держал кожаную папку с документами.

– На подпись, Максимилиан Данилович. Срочно.

Раскатов открыл папку и углубился в изучение документов. Один отложил в сторону, с чувством почеркав красным карандашом не понравившиеся ему слова. А на остальных поставил свою заковыристую подпись.

Казарян в это время, скромно примостившись на стуле, быстро и внимательно шарил глазами вокруг. Такая многолетняя профессиональная привычка – все видеть, замечать и анализировать, может, что и пригодится в работе. Его взор упал на фотографию на столе.

– Можно взглянуть? – Он потянулся к снимку. – О как! Младшего Агафонова прихлопнули!

– Кого? – встрепнулся я.

– Савву Агафонова. Это староверская семья в Нижнереченском районе, – пояснил Казарян. – Там у них село почти все семейное. Их фамилия у староверов весьма в почете. Власть они, конечно, не любят – притом как прошлую, так и нынешнюю. У них любая власть на Руси – от Антихриста. Присматриваемся к ним давно, но вроде вреда особого от них нет, так что гнездо не ворошим во избежание. А что там у них внутри их общины – одному Богу известно.

– Надо этих Агафоновых за цугундер взять! – запальчиво воскликнул я. – Пускай поведают, куда и зачем Савву этого посылали. И про книжечку, которую при нем нашли.

– Надо, – кивнул Раскатов.

– Ну так отправьте меня в командировку. Я готов. Как штык.

– Нижнеречье на самом отшибе области, – заметил Казарян. – Глухие закутки, там староверы еще со времен Петра Первого прятались от властей. Туда сейчас добраться целая проблема. Знаешь ли, Александр Сергеевич, трамваи туда не ходят. Только пароходом или вскачь. Да и народ летом часто на промыслах. Не уверен, что сразу Агафоновых найдешь. Скорее зависнешь там на месяц-другой.

– Разумно, – согласился Раскатов. – Вот что, Сашок. Телеграфируем районному уполномоченному, пускай справки наведет, народ подключит да поспрашивает об Агафоновых этих. И о Савве их. А потом уж ты на место отправишься, вцепишься своими зубками – молодыми да острыми.

– Все захваливаете, Максимильтян Данилович.

– Я? Тебя?! А ну пошел работать, бездельник! – Раскатов грохнул по столу кулаком так, что чернильный прибор подпрыгнул.

Стол этот был легендарным. Уже много лет от избытка чувств Раскатов лупил по нему кулаком. И не упускал возможность напомнить мне, что с прошлого места службы в Углеградске он притащил два деревянных предмета – стол и уполномоченного Большакова, то есть меня.

В глазах Раскатова мелькнули смешливые искры, и я понял, что бил он сейчас по столу больше для порядка, чем для устрашения моей и так вечно уstraшенной им натуры.

Я поднялся со стула, но тут Раскатов остановил меня жестом:

– В общем, так, заводи агентурное дело для установления и последующей разработки неустановленных сектантов. Как назовешь?

– «Индейцы», – брякнул я.

– Это еще почему? – удивился Казарян.

– Доколумбовские индейцы баловались человеческими жертвоприношениями.

– «Индейцы», – усмехнулся Раскатов. – Пусть будет так. Ну и чтобы по агентурному делу «Бобры» результат был.

– Будет, – вздохнул я.

Агентурное дело «Бобры» было заведено для разработки контрреволюционной организации «Русь Свободная». С ней давно надо было что-то решать. Только вот ждали курьера из Москвы, чтобы прихлопнуть всех разом.

В общем, планов у меня было громадье, в отличие от времени, которого вечно не хватало.

Но тут вдруг нам всем стало не до чего. А все Чиркаш, идейный наш обкомовский блюститель. Какой леший его тогда к нам принес? И накаркал такое, революционер пламенный!..

Глава 5

В кабинете пусто. Всех его обитателей сняли с места и отправили в Угловский округ. Там в селе Ольховская пятеро пьяных и потерявших все берега хулиганов, все как на подбор детишки кулаков и подкулачников, подстрекаемые матерыми кулаками, вооружившись кольями, избивали попадавших им на улице бедняков, колхозников и ответственных работников, выбивали рамы и выламывали двери в их домах. Орали: «Нас и наших отцов обложили кратно и индивидуально, но мы вам покажем, как нас трогать! Мы, бандиты, месть всем колхозникам!»

Перед этим выступлением кулачество села распускало провокационные слухи о готовящейся на Руси «Варфоломеевской ночи», в которую «справные хозяева» разом перебьют всех членов колхоза и коммунистов с активистами. Погром продолжался несколько часов, в результате чего все село было охвачено паникой, некоторые селяне оставляли свои дома и убегали на гумна и в поле. По имеющимся сведениям, сильно избитыми оказались председатель колхоза, два члена сельсовета, один член партии и активисты села – всего полтора десятка человек.

Раскатова полученное сообщение о массовых беспорядках взбесило. Он собрал весь наш отдел и отправил умирять хулиганье. При этом приказал арестовывать всех, хоть краешком причастных. При сопротивлении применять самые жесткие меры. В общем, патронов не жалеть!

Вот и отправились мои соседи наводить порядок. Вообще, наш секретный отдел постпредства состоял в основном из опытных, уверенных в себе специалистов. По большей части они начинали службу еще в ВЧК и повидали на своем веку многое. На их фоне я ощущал себя зеленым новобранцем. Или скорее щенком, попавшим в свору матерых волкодавов. Или, что еще хуже, каким-то самозванцем, занявшим чужое место. Но Раскатов в меня верил. Не столько в мои блестящие оперативные данные, сколько в мое упрямство и сопутствующую мне в трудах удачу.

Раскатов и перетащил меня в область в прошлом году. Это нас наконец настигла награда после той нашумевшей истории двухлетней давности. Тогда я был молодым сотрудником, только после курсов, а Раскатов руководил окружным отделом ОГПУ. Общими усилиями мы вернули тогда государству двадцать тонн золота и прихлопнули кровавую банду некоего Атамана. Мой вклад в то дело был настолько ощутим, что я мог рассчитывать на благодарность трудового народа и руководства ОГПУ.

Вся бодяга тянулась больше года. Наверху совещались, то ли за такие успехи нас наградить, то ли присмотреться повнимательнее, а все ли золото мы вернули государству и какими такими хитрыми путями вычислили банду. Надо отметить, что опасаться нам было чего. Картина в докладных и картина в реальности различались достаточно сильно для самых строгих оргвыводов. Но все хорошо, что хорошо кончается. В итоге, с запозданием на год, мне вручили именное оружие с подписью товарища Менжинского. Раскатова перевели в область на ключевую должность – зампостпреда – начальника секретного управления, под которым вся агентурная работа. Ну и мне здесь местечко нашлось, чему, как молодой начинающий карьерист, я был искренне рад. Если бы еще не вечный страх опростоволоситься и не оправдать надежд. Но пока вроде работа шла без особых взлетов, но и без сильных провалов. Я был эдаким середнячком. Но середнячок в большом городе – это куда лучше примы в лесах.

Внутренний телефон зазвонил так, что я подпрыгнул. Он вечно так звонит. Наверное, специально на такую громкость поставили, чтобы к начальству ты подходил уже взбодренный, с натянутыми нервами и в ожидании целебного разноса. Сердце-то не железное, екает.

– Ну-ка, Сашок, подойди, – прозвучал в трубке голос Раскатова.

Вкрадчиво так, но видно, что он на взводе.

Начальник в кабинете был не один, но, видя, как я застыл на пороге, только махнул рукой: – Заходи, Сашок, гостем будешь. Заодно вопрос животрепещущий обсудим.

Я поморщился. Мне показалось, что кабинет руководителя стал как-то теснее. Притом знакомо теснее. В пространстве, достаточно просторном для обычных людей, теперь воцарился Чиркаш.

С Раскатовым главный областной идеолог был знаком еще с Гражданской войны. Они вместе сидели в узилище у белогвардейцев, вместе их пытали и водили на расстрел, но недо-стрешили. Так что Чиркаш бывал в этом кабинете часто. Пропускали старые боевые товарищи порой по рюмочке, вспоминали былые времена, а заодно решали служебные вопросы. А общих вопросов у идеологического отдела обкома и ОГПУ была тьма-тьмушая. И некоторые настолько острые, что о них порезаться можно.

Вот и сейчас – рюмочка была. И вопросы были. Притом, судя по виду моего начальника, не шибко они его радовали.

– О, поэт, – бросив на меня быстрый взгляд, кивнул Идеолог. Он почему-то считал необходимым в честь моего великого тезки Александра Сергеевича Пушкина именовать меня высоким званием поэта. – Ну, послушаем твое слово. Правда, не слишком весомое. Такое пустяч-ное.

Такая вот у него неприятная привычка – жить спокойно не может без того, чтобы не подначить, съязвить и высмеять. Притом делает это механически, а не с целью кого-то унижить и принизить. Так, пнул по ходу котенка на улице и пошел дальше, потому что так привык, и вообще, нечего ему на дороге попадаться.

– Так устами младенца, знаешь ли, истина глаголет, – сказал Раскатов. – А ты продолжай, продолжай.

– Да что продолжать! А то ты не знаешь, как после этого... – Идеолог замялся, а потом повторил услышанное у Вари определение: – Как после этого жертвоприношения город гудит.

– Погудит и затихнет, – отмахнулся Раскатов. – А мы пока этих сектантов найдем. И по всей пролетарской строгости с них взыщем.

– Мелко мыслишь! Это все змеиное староверческое кубло. Оттуда, как гадюки, все эти сектанты лезут. Все эти их зверские обычаи, когда за Христа своим детям головы рубят. Все эти массовые убийства и самоубийства. Ведь это у нас в области процветала секта «Спасово един-ство». Знаешь, какой они способ смертоубийства изобрели? Клин в дерево вбивают, потом в образовавшуюся щель руку человека суют и клин выбивают. Кости дробятся, руку не вынешь, на помощь никто в глуши не придет. Так главарь этой секты всех своих близких родных сна-чала к деревьям прикрепил, а потом и себя самого – и всех до смертного исхода. И все это исключительно ради спасения души, во имя Бога. Вот что у них за Бог такой, а?

– Сектанты, – пожал плечами мой начальник. – Но «Спасово единство» еще при царе-батюшке разгромили и по каторгам с глаз долой разогнали. Таких больше нет вроде бы.

– А вроде и есть. Ты про жертвенное приношение, что, забыл? Но хуже даже не то, что они друг друга во имя Христа режут и подушками душат. Хуже то, что они как смущали народ, так и смущают. Ни жить не могут, ни даже умереть, чтобы смуту не внести. Надо их зачищать. В Нижнеречье, в Солигорске. И поименно. – Идеолог потянулся за портфелем, который стоял в его ногах, щелкнул золотистыми застежками и вытащил список на нескольких листах.

– Войсковую операцию предлагаешь? – недобро прищурился Раскатов.

– Предлагаю! – махнул сжатым до белизны кулаком Идеолог. – Пора этот гнойник в Ниж-неречье вырезать!

– Экий ты скорый. И так по всей области волнения. Не принимает часть народа коллек-тивизацию. Падки на агитацию кулаков, подкулачников и религиозных мракобесов. А ты пред-лагаешь в улей головешку горящую сунуть.

– Не в улей, а в осиное гнездо! И выжечь все к чертовой матери!

– И бунт устроить? Уже наворотили в Юсуповке твои архаровцы из агитационного поезда. Хорошо, без большой крови обошлось.

Идеолог поморщился. Два месяца назад в Юсуповку, село богатое и глубоко религиозное, прибыл специальный агитационный поезд. Сначала агитаторы ввели в ступор селян сатирическим представлением, где прошли и по попам, и по Библии, и по самому Господу Богу. А потом протащили на собрании членов артели и коммуны решение передать местную церковь на культурные и антирелигиозные нужды. Вылилось все в массовые беспорядки, где ударным кулаком были богомольные женщины в длинных одеждах, платках, вооруженные коромыслами, ухватами, граблями и прочей боевой утварью. Сначала отметелили от души агитбригадовцев и местных активистов. Потом, когда толпа выросла и рассвирепела, запылал дом местного милиционера. Пришлось бросать на подавление отряд из милиции и наших сотрудников. Арестованы были двенадцать человек, а потом приговорены к разным срокам. Церковь вернули верующим. Но проблем это не решило. Однажды запылавшее недовольство росло, пока еще не вырываясь наружу пламенем. Но лиха беда начало.

– Не-ет, дорогой мой, – покачал головой Раскатов. – Мы только две недели как контрреволюционную ячейку организации «Крестьянская воля» в Нижнереченске взяли. Семейных отпетых контрреволюционеров, вооруженных и решительных. Они восстание на конец мая готовили, но мы им планы порушили. А на свободе их еще сколько осталось! Мы их выдерживаем. Аккуратненько. Кислород им перекрываем. А ты предлагаешь ударить по площадям и сразу все вокруг взорвать? Чтобы сельсоветы пылали? Вон, зайди в кабинеты. Там пусто. Мои люди в Угловске антинародные беспорядки подавляют. И так изо дня в день! У нас не хватает сил, пойми!

Раскатов говорил сущую правду. И что сил нам давно уже не хватает, потому как штаты слишком малы для объема решаемых задач и угроз текущего момента. И что беспорядки вспыхивают постоянно. И что во всей области Нижнереченский – это самый взрывоопасный район, где постоянно контрреволюция, беляки недобитые и эсеры воду мутят. Там уже больше года шло шевеление под лозунгами: «За собственность, свободную торговлю, хорошую землю. Против отвода удобных земель колхозам», «Добиваться вольной торговли, чтобы не отбирали у мужиков хлеб». Три месяца назад там произошло нападение на воинское подразделение, преступники завладели полусотней винтовок. Удалось установить четверых нападавших, но они успешно скрывались в лесах и на заимках. Только одного неделю назад прихлопнули при задержании. Да и у населения, занимающегося охотой, оружия полно. Леса там непролазные, есть где скрыться. Хотя и проредили мы подполье там неплохо, однако в каждом из нас жил страх, что однажды все Нижнеречье запылет.

– Близоруко смотришь, – буркнул Идеолог. – Не по-партийному.

Тут Раскатов, не отличавшийся долготерпением, вышел из себя. Он был из поколения железных людей, целеустремленных до фанатизма, ясно видящих цель. Грубый, откровенный упрямец. Был он жесткий, при необходимости жестокий, но вместе с тем обладал какой-то врожденной мудростью. Так что, в отличие от того же Чиркаша, тоже железного и твердокаменного, но привыкшего рубить сплеча, мой начальник обычно принимал самое оптимальное и справедливое решение – был у него такой дар. И сейчас я с ним был полностью согласен.

Он со страшным грохотом ударил ладонью по столу и взревел:

– Что?! Близоруко? Ты у нас дальнзоркий? Гражданскую войну новую в области хочешь разжечь? С людьми работать надо! Объяснять им суть момента, а не лезть по любому поводу с ружьем наперевес!

– От ОГПУ ли слышу? – недобро осведомился Идеолог. – Вы карающий меч. А уговаривать мы должны.

– Хреново уговариваешь! – успокоился немножко Раскатов. – Гаврила, не полезу я сейчас в Нижнереченск и окрестности. Там все на грани взрыва. Вот изыдем по-тихому всех

контрреволюционных заправил, тогда можно будет заняться твоим политпросвещением по полной. Тогда и церкви будешь закрывать, и спектакли про жирных попов показывать. Но позже, сильно позже.

– С тобой всю мировую революцию проспим, – недовольно буркнул Идеолог.

И отступил. Он прекрасно знал, что Раскатова, убежденного в своей правоте, сдвинуть с места ни один трактор не сможет.

Впрочем, сдвигать с места, спорить и что-то доказывать не пришлось. Вскоре взорвалось все само! Да еще как!..

Глава 6

Я достаточно быстро притерпелся разглядывать ноги прохожих и ощущать себя каким-то гномом, добрым жителем подземелий. Ко всему привыкаешь. Даже к тому, что комнату мне выделили в подвальном помещении, ниже брусчатки. Так что приходилось смотреть на мелькающие в оконном проеме туфли, лапти, ботинки куда-то спешащих людей. Это было даже забавно. Хуже всего здесь, когда дождь – тогда хоть святых выноси. Через какие-то совершенно невидимые щелки и трещины вода протекает в комнату, и порой приходится ходить в галошах, хлюпая по лужам.

Помещение было просторным, со сводчатым низким потолком. Удобства, понятное дело, во дворе. Зато имелся водопровод и причитающийся в довесок к нему кран с металлической раковиной. Варя пообвыклась здесь куда быстрее меня и даже полюбила нашу подвальную каморку с отдельным входом со двора. Ведь теперь, после ее жизни с тремя сестрами в небольшом родительском доме, общежития и съемного угла, точнее койки, у нее было собственное жилье. Свой дом, своя крепость. Только мебель чужая, казенная, с металлическими бирками «Хоз. ОГПУ». Но она пыталась украсить наше жилое пространство всякими милыми безделушками – скатертями, фигурками на полках. А порядок у нас царил, как в ее хирургическом отделении, – полная стерильность и четкое распределение всех вещей исключительно по своим местам.

Да, мой дом – моя крепость. И вот теперь, посреди ночи, в мою крепость ломились. Коло-тили сапогом. Да еще орали:

– Александр Сергеевич, вставай!

Эх, где мой сладкий сон? Бросить бы сейчас на этот противный голос гранату да упасть бы опять в объятия Морфея. Но нельзя. Надо просыпаться.

Я вернулся в реальность. В дверь опять заколотили. На улице урчал автомобильный мотор.

Сердце екнуло. Не люблю таких ночных визитов. Могут прийти, чтобы уйти вместе с тобой. А могут прийти и за тобой. Чекистская судьба нередко переменчива.

Спросонья, тяжело шаркая тапками по полу, я доплелся до входной двери. Отодвинул засов. И увидел стоящего на пороге и чему-то радующегося Сына Степей.

– Тревога! – бодро воскликнул он. – По машинам!

– Что там опять у нас не так? – заворчал я. – Антанта вернулась?

– Нижнереченский район вспыхнул! Активистов и партийных убивают!

– Вот же... – Я хотел витиевато и очень неприлично выругаться, но тут заметил, что Варвара тоже поднялась, и прикусил язык. Она же знает, что муж ее предельно корректен и воспитан, а нецензурные выражения просто чужды ему по духу.

Собраться мне – две минуты. Одеться по дождливой погоде, накинув матерчатую куртку, засунуть за пояс «наган», захватить разложенные по специальным коробочкам патроны – их запас карман не ломит. И в путь-дорожку дальнюю, с барабаном и песнями.

Грузовик был не наш, а военный – войск ОГПУ. В кузове расположилось человек десять сонных или, наоборот, настороженных столь быстрыми переменами бойцов во главе с бравым командиром, всем своим видом демонстрировавшим, что ему море по колено и душа рвется в бой. Из постпредства были только я и Амбага.

По дороге Сын Степей ввел меня в курс дела. Оказалось, что до железного рудника в Нижнереченском районе добрался израненный коммунар. Сообщил, что ночью в их село Акташинское тайком проникла вооруженная банда. Лихие людишки аккуратно рассредоточились по домам сообщников, а утром приступили к своей бандитской работе. На пороге клуба, где должно было состояться совещание немногочисленного сельского партийного актива, негодяи

застрелили из винтовок начальника милиции и председателя сельсовета. Затем отправились в школу, где тремя выстрелами, с каким-то особым смаком, уложили учителя. Из домов вытащили бывшего красноармейца и двух партийных, заперли в сарае, пообещали устроить над ними всенародное судилище. И торжественно объявили, что советской власти пришел конец, поднято всенародное восстание, которое охватит сначала область, а потом и всю страну.

Похоже, в предводителях бунта был наш фигурант – Порфирий Тиунов, активный участник «Крестьянской вольности».

Больше никакой внятной информации о восстании не было. Места отдаленные, лесные. А кабель телефонной связи бандиты перебили сразу же. Ну что ж, судя по всему, действуют враги продуманно, с размахом. Значит, и легкой прогулки не будет, а дела нам предстоят горячие. Ничего не попишешь, дело не сапог, с ноги не скинешь. Будем восстанавливать исторически закономерный ход вещей.

Работа уже кипела. Были подняты по тревоге во всех окрестностях военные, милиция, ОГПУ. Со стороны Пименского района на бунтовщиков двигалась пехотная часть, усиленная кавалерией.

Наш грузовик проколдыбал по брусчатке центра и, высвечивая дорогу желтыми фарами, углубился в окраинные, неосвещенные районы. Вскоре со скрипом тормозов остановился на территории речного порта.

У пристани стоял колесный пассажирский пароход «Коммуна», осуществляющий перевозки людей по многочисленным рекам нашей области, которая по территории равна трети Европы. Он был построен еще до революции и назывался тогда «Александр Третий». Сейчас, в свете прожекторов, казался очень большим и каким-то таинственным. Длинный белый корпус, двухэтажные палубные надстройки с рубкой, каютами, высокая труба. Возникало ощущение, что река для него слишком тесна, он рвется на океанские просторы, к неоткрытым островам.

Но к необитаемым островам Тихого океана этому пароходу не попасть никогда. И в ближайшие дни не возить ему праздных пассажиров и не радовать их корабельным буфетом. Приказом начальника ОГПУ пароход «Коммуна» был реквизирован под нужды чекистско-боевой операции.

На территории порта уже стояли несколько легковых машин и грузовиков. Активно шла погрузка бойцов войск ОГПУ и каких-то гражданских субъектов. Также было полно сотрудников нашего ведомства, которые выглядели какими-то пришибленными. Руководил всем Антон Глушин, заместитель постпреда ОГПУ по области, человек жесткий и очень неглупый, в Гражданскую войну командовавший отдельной кавалерийской дивизией. Войсковая работа ему отлично знакома, так что за командование можно не беспокоиться.

Меня панибратски хлопнули по плечу, крепко так, тяжело. Я обернулся и пожал протянутую ладонь.

– Привет, поэт! – воскликнул Чиркаш.

Его-то что сюда принесло? Хоть он и старался выглядеть озадаченно-озабоченным, но было заметно, что в нем искрится безмятежная радость человека, который в кабине лифта, летящей с высоты вниз, может гордо изречь: «Ну я же говорил, что этот ржавый лифт рухнет с десятого этажа!» Конечно же, он не удержался и изрек:

– Ну что, проспали бунт, чекисты! А я предупреждал!

– Вы тоже с нами? – кисло осведомился я.

– Это еще кто с кем – неизвестно. Партия, она всегда на передовой. Кто народ будет распропагандировать? Кто жизнь налаживать мирную? Это тебе не ружьем махать, поэт!

– Ну да, – хмыкнул я, представив, как долго он сможет пропагандировать и распропагандировать, если за его спиной не будет человека с ружьем.

– А еще со стороны обкома за нами контроль за оказанием помощи населению. А помощь бывает материальная. Идеологическая. И медицинская, – наставительно произнес Идеолог.

В подтверждение его слов я рассмотрел в толпе Яцковского с медсестрой из первой больницы. И их привлекли на мероприятия, слава богу, о Варе не вспомнили! К сожалению, работа для доктора там наверняка найдется. И как для хирурга, и как для судебно-медицинского эксперта.

На пирсе царила погрузочная суета. На палубу затаскивали ящики с боеприпасами, оружие. На борт удалось даже затолкать небольшую пушку.

Корабельная прислуга металась в ужасе. Привыкли эти речные извозчики возить самую разную публику – старателей в трюмах, начальников в каютах первого класса. Но нашествие солдат и бряцанье оружием выходило за все привычные рамки. Да еще понукают все кому не лень: «Быстрее – время не терпит!» Одни у них расстройства. И не пофилонишь – быстро за саботаж упекут.

Военные грузились более-менее организованно. Зато гражданские все время путались под ногами и чему-то в голос возмущались, качали права. Эх, все же мне по душе армейский порядок, которому я отдал детство и юность, а не гражданская расхлябанность. Вот гаркнуть бы этим штафиркам: «Равняйся, смирно! Если вы такие умные, то почему строем не ходите?!» И все бы встало на свои места. Но нельзя ранить трепетную душу гражданского человека.

В итоге все успокоилось и организовалось. Пароход, как боевой слон, издал трубный рев и понес нас на сечу, тяжело отчалив от пирса.

Потекли неторопливые часы нашего плаванья. До безобразия неторопливые, потому что душа бойцов рвалась в бой, а лопасти парохода хлопали ритмично и без особой суеты, им наши треволнения и вся ситуация были глубоко безразличны. Как могли, так и лупили по воде.

Мне отвели небольшую каюту с попутчиками – Сыном Степей и сотрудником экономического отдела постпредства. Они горячо и неустанно обсуждали перспективы нашей вылазки и причитали, как на базаре. Перемалывали из пустого в порожнее, возбужденно и многословно. Настроения преобладали шапкозакидательские. Экономист долдонил, что бедняк за контрой не пойдет, сам врагов советской власти на вилы поднимет, а сплоченное боевое ядро повстанцев мы быстро перебьем. Сын Степей весело вторил ему, рука его сама тянулась к шашке.

Я таких настроений не разделял. По Тамбовскому восстанию помнил, какой он бывает, крестьянский бунт. И насколько он жесток. Тогда коммунистов привязывали к лошадям и до смертельного исхода таскали по дорогам, вспарывали животы и набивали сеном, палили живьем в хатах. Думаю, и сейчас мы увидим нечто похожее. Эти выступления всегда одинаковы и крайне жестоки.

В дискуссии я участие принимать не стал. Это для них все внове. А для меня война – это дело привычное. Тяжелое, но какое-то противоестественно притягательное и азартное. Как пьянка – похмелье приходит потом, а пить очень даже интересно.

Я упал на узкую койку, по-барски застеленную чистым постельным бельем. И, не обращая внимания на фоновый шум, стал проваливаться в глубокий сон.

Потому что война – это не только про атаки и пострелять. Война еще – это при малейшей возможности хорошо поспать и сытно поесть. Потому как неизвестно, когда еще удастся...

Глава 7

Глаза у арестованного были слегка бешеные, в них время от времени вспыхивали искры сумасшедшинки и безудержной жажды крови. Обычное дело. Человек находился не в себе, не в состоянии вернуть нормальное восприятие окружающего. Его пожрала одна на всех, но пламенная страсть – коллективная жажда погромов и убийств. Так бывает, когда собирается толпа что-то громить. И отдельный неповторимый индивидуум становится всего лишь жалкой частицей общего разума и общих низменных страстей. Некоторых после этого отпускает сразу, и они искренне не понимают, как поддались общему порыву. Других не отпускает никогда. Так и остается гореть в их груди этот дьявольский огонь разрушения.

Этого худосочного, уже немолодого, с широкими мозолистыми ладонями, вздувшимися на руках и лбу венами, бородатого мужичонку задержали в селе Игоницево, куда он вместе с двумя своими поделщиками прискакал поднимать народ на бунт. Но его там встретил не жаждущий освобождения крестьянский люд, а взвод пехотного полка. Поделщиков пехотинцы уложили наповал, а под этим субъектом завалили лошадь. Он еще пытался отстреливаться, но таковой возможности ему не предоставили – спеленали качественно, не дернешься, и доставили на допрос.

Сейчас бунтовщик весь исходил злобой. А ведь мало что так сильно изнашивает организм и отравляет жизнь, как бессильная злоба. Конечно, он бы с удовольствием переколол нас вилами, порубил шашкой, сварил в кипятке, но бодливой корове Бог рогов не дает. Так что остается ему метать глазами молнии, скрежетать зубами. И отвечать на вопросы. Тоже со злобой и вызовом, но говорил он вполне откровенно. Это такая крестьянская особенность – всегда отвечать, когда спрашивают.

– За что воюешь? – спросил я.

– За то, что власть ваша неправильная, – отчеканил бунтовщик четко, как молитву, зазубренную на уроке Закона Божьего в церковно-приходской школе. – Вами даже пролетарии недовольны! Скоро советскому правлению конец!

– Это Порфирий Тиунов тебе такое сказал? – усмехнулся я.

– Он сказал! Он за народ! А вы – сатрапы!

– Это почему?

– Потому что народ вы обираете хуже старой власти! Научились у царских прихлебателей – как что, сразу штраф! Зерновой налог не заплатил – штраф! И ладно бы деньгами брали, так имущество забирать начали! Вон, сосед мой, пять детей по лавкам! За штрафы весь скарб у него забрали! А Никола, племянник мой. Беднота, голь перекатная! Не мог сдать семь пудов хлеба, так уполномоченные единственную его телегу взяли, пока он в лесу батрачил! И хлеб почти весь забирают! Так что, комиссар, нам пути два – или в колхоз, с голоду пухнуть! Или за обрез и стрелять вас, вешать, распинать!

Глаза его выкатились и налились кровью. Я даже приготовился уgomонить его ударом ладони, если он на меня бросится.

Не бросился. Понурил плечи. Но говорить не прекратил, правда, уже не так эмоционально. Как бенгальский огонь – прогорел и затух. Скоро опять вспыхнет.

Самое главное, он несколько не сокрушался, не жалел о том, что они сотворили и как кровь лили. Он гордился этим.

Из показаний таких пленных уже сложилась некая картина произошедшего. Восстание руководители «Крестьянской вольности» готовили давно и с размахом. Настроения в деревне и так были накалены. Последние годы все антисоветские элементы просто прописались в сельской местности и будоражили крестьян. Много кто там оттоптался – и легальные, и нелегальные организации. Всякие там народнические и «мужицкие» партии, группы «интерна-

ционалистов», «крестьянские союзы», «советы хлеборобов», бывшие эсеры, меньшевики и белогвардейцы щедро удобрили идеологическую почву своими ядовитыми химикатами. Да еще градус антисоветских настроений взлетел и из-за госполитики в области зернозаготовок. Крестьяне исправно прятали зерно от государства, привычно считая, что их обирают и притесняют. Государство упорно выколачивало зерно, притом часто с перегибами. А тут и коллективизация подоспела. Да еще притеснения церкви, которая, впрочем, всегда была рада поучаствовать в антисоветской пропаганде. Бунт планировали на конец мая. Вот только за неделю до этого мы нанесли упреждающий удар и арестовали верхушку организации.

Однако все шупальца не обрубили. И Порфирий Тиунов со своими помощниками все же поднял бунт. Почему решился? Ведь еще не восстановил полностью боевое ядро, не затоварился оружием. Да и ситуация с коллективизацией обостряется с каждым месяцем, пополняя число противников советской власти. Почему новый лидер «Крестьянской вольницы» не подождал и ударил именно сейчас? Может, думал, что потом будет поздно?

Так или иначе, бунтовщики напали на село Акташинское. Поубивали актив. И Тиунов, низкорослый и плюгавый, но старавшийся выглядеть величественным, в вычищенных хромовых сапогах, гимнастерке и шароварах, туго перепоясанный хрустящими кожаными ремнями, с шашкой на боку, под радостные крики подельников провозгласил себя командующим освободительной армией. К нему примкнуло немало народа, воодушевленного пламенными и очень хорошо продуманными речами предводителя.

Распотрошив дома лояльных к советской власти селян, от души отпраздновав победу самогончиком, с утра еще не протрезвевшие «освободители» направились в соседнее село Чугунково.

Там актив сопротивления не оказал. Часть его сдалась на милость победителей, но кто-то попытался спрятаться, а то и сбежать, чтобы предупредить власти. Среди активистов была молоденькая медсестричка из сельского медпункта Наташа Авсеева. А ведь я ее однажды видел. Она проходила практику в первой горбольнице, перед тем как ее направили на самостоятельную работу. Полненькая, задорная, общественно активная девчушка, она страшно гордилась этим назначением и была преисполнена самых радужных надежд. Нашли ее местные крестьяне в сарае, где она пыталась спрятаться, зарывшись в сено. Озверевшая толпа стала избивать девушку дрынами и лопатами. «Главнокомандующий» Тиунов, подбадривая народ, выстрелил в нее из «маузера», но промазал – руки тряслись со вчерашнего безобразного перепоя. Тогда несчастную вытащили на площадь, бросили на землю. Собравшийся сброд задорно орал: «Молись, сука! Попила нашу кровь, скотинушка комсомольская!» И под одобрение масс Тиунов лично добил медсестру железным ломом, с криканьем, с расстановкой, с удовольствием!

Секретарь сельского совета пытался уйти огородами. Его ранили. Потом «ополченцы» догнали его на лошадях, за околицей. Человек бежал, спотыкаясь, обливаясь кровью, а бандиты, гарцуя на конях, упражнялись в стрельбе по нему, при этом обсуждая, как взять лучше прицел, растягивая удовольствие. Потом подъехали и перерезали горло, когда жертва уже не могла двигаться и лежала на пыльной земле. И все это на душевном подъеме, с шутками и прибаутками. «Наша теперь власть, нам судить, карать и миловать. А тут уж как нам в голову взбредет!»

Потом повстанцы уже действовали по отлаженной и достаточно эффективной схеме. Захват села. Пленение партсовработников и актива. Митинг. Насильственная мобилизация в «народную армию». Оружие у населения имелось – охотников было немало. Кому не хватало ружей, брали что придется – вилы, топоры. А потом, для разжигания аппетита толпы, а заодно для повязывания всех кровью, следовала принародная расправа над сторонниками советской власти.

Захваченные этим мороком и радостью кровавой вседозволенности, селяне радостно шли лить кровь «врагов крестьянского люда». Те, кто не поддался общей волне, бежали в леса, прятались в укромных местах.

Допрашиваемый аж слюни пустил:

– В Раздольное зашли. Коммуняки уже утитать успели. А народ волнуется. Народ заслуженной крови жаждет. Нашли там учительшку, молоденького, из района месяц как прислали. Очкастенький такой, чистенький, на ручках мозолей нет, не знал крестьянского труда. А все туда же, богопротивные слова детей заставлял учить... Ну и...

Крестьянин мечтательно улыбнулся.

– Убили? – спросил я.

– Сам на вилы поднял! – самодовольно объявил допрашиваемый.

Мне на миг страшно захотелось самому поднять эту мразь на вилы. Или хотя бы раскрыть ему умелым ударом челюсть в труху. Но кого интересуют мои чувства? Я только кивнул одобрительно:

– Крепкий ты мужик. А что дальше было?

И он снова запел с озлобленной готовностью. Я только успевал записывать его откровения.

В Седом Логе в лапы бунтовщиков попала важная птица – корреспондент газеты «Молодой коммунар». Едва только слышав выстрелы и осознав, что происходит, он попытался скрыться, но его догнали преследователи во главе с Тиуновым. Стрелять и колоть штыками не стали. Просто били прикладами. Притом так ожесточенно, что «главком» лично сломал ложе винтовки. И опять – митинг, мобилизация, повешенье актива. Следующее село.

В Октябрьском члены коммуны имени Карла Маркса организовали на окраине села оборону с баррикадами. Но ребята были в массе своей молодые, необстрелянные и не готовые биться до конца. После первой атаки повстанцев они разбежались кто куда. Остались на позиции лишь семь человек. Понятное дело, напора многочисленного противника, притом когда у него многие были конными, коммунары не выдержали. Трех ребят захватили живьем. Потопчили к сельсовету. Вскоре там столпились разъяренные, подзуживаемые кулаками и «освободителями» крестьяне. И там несчастных чуть ли не на части разорвали, истыкали, изрубили. Притом с поразительной яростью. Потом бунтовщики отправились переворачивать вверх дном все село. Нашли еще десяток активистов, которых даже не довели до площади, – все с той же жестокостью, методично и страшно убили.

Крестьянский бунт, он бессмысленный и беспощадный, как писал мой великий тезка. Эх, сколько же зла накопилось в деревне за века невежества, унижений и голода. И сколько еще крови будет нам стоить втащить деревенское население в новую, куда более разумную и справедливую жизнь.

– Старообрядцы тоже воюют? – спросил я.

– А как же, – протянул крестьянин. – Что они, не люди, что ли? Они семейскими селами живут, у них все родня вокруг. И ваше владычество властью Сатаны почитают. Как же им не воевать?

– Тоже на вилы поднимают партийных, чтобы не выделяться из коллектива? – поинтересовался я с горечью.

– Не-е, – грустит арестованный. – Добренькими хотят быть. Белоручки!

– А что так? Религия не позволяет?

– Им старик с Рассветного запретил. Он у них как бы самый главный. Они его уважают. Так что староверы со всеми вместе идут, но на лишнюю кровь и лютые казни – тут у них строгий запрет наложен.

– Это что же за старик?

– Пантелеймон Агафонов.

– О как!

Знакомое имя! Сразу вспомнился треугольник, в центре которого лежало пронзенное кинжалом тело Саввы Агафонова. Он же сын Пантелеймона Агафонова, которого я собирался ехать допрашивать. М-да, проехался бы с приключениями. Может, тоже на вилах сейчас бы висел. Где было мое шестое чувство, когда я просил Раскатова отправить меня в эту командировку? Молчало. Но Бог уберег, если, конечно, он есть.

А неплохо было бы выдернуть для доброго разговора этого самого Пантелеймона Агафонова. Для этого самая малость требуется – подавить восстание. Жестоко, без сантиментов, чтобы вся эта озлобленная сволочь запомнила урок надолго. И чтобы впредь никому неповадно было учителей и медсестер на вилы поднимать...

Глава 8

В Лебяжьем собралось около ста пятидесяти бандитов. И идти с нашими тремя десятками бойцов, из которых только половина – обученные красноармейцы, а остальные из отряда самообороны, было самоубийственно.

Лучше, конечно, дожидаться подхода основных сил, да еще бы с пушкой, и по науке взять врага в кольцо, а потом уничтожить. Вот только времени на это у нас не было. Перебежчик с той стороны только что сообщил – весь актив, партийных и двух милиционеров, собрали в старом лабазе в центре села и намерены показательно подпалить, зажарить живьем. При народном сходе. И при живом одобрении крестьянских масс.

Так что надо было штурмовать и с этим не затягивать. Сколько нас поляжет? Ну так на то и война. Тем более когда идет она за правое дело. А правда, она ведь такая – и из огня спасет.

– Ты вперед не лезь, – напутствовал меня красный командир – высокий, молодой, перепоясанный ремнями, очень строгий. – Ты хоть и ОГПУ, но больше по бумагам специалист.

– Не бойся, – улыбнулся я. – В свое время тоже повоевать пришлось. На Гражданской.

Командир с сомнением посмотрел на меня – в свои двадцать четыре года я выгляжу куда моложе. Пришлось коротко пояснить, как попал я в двенадцать мальчишеских лет на войну, где освоил профессию полкового разведчика. А потом еще были курсы красных командиров, где я стал отличником боевой и политической. Так что военной науке слегка обучен.

– В двенадцать лет, – покачал головой красный командир.

– Тогда на возраст не смотрели, – сказал я.

– Ну, тогда сам понимаешь, какая наша наука, – командир подошел к нашей обозной телеге, взял с нее винтовку и протянул мне: – Владей.

У меня даже как-то на душе потеплело. «Мосинка», родная моя винтовка, с такой вот столько пережито. В умелых руках оружие серьезное и очень надежное. И штык еще к ней – вещь полезная. В общем, повоюем.

У самого командира оружие было редкое и весьма необычное – пистолет-пулемет Томпсона, чудо американской инженерной школы. Скорострельность – девятьсот выстрелов в минуту, можно кусты сбривать. Дисковый магазин на пятьдесят патронов. Таких бы побольше, и можно горы своротить. Видел я такой только в нашей оружейке и в единственном экземпляре. Интересно, откуда он оказался в обычной пехотной части? И еще интереснее, как он покажет себя в бою?

И вот перед нами Лебяжье – большое, зажиточное село, на множество дворов. К нему вела широкая дорога. На околице она была перекрыта баррикадами, за которыми щерились винтовками враги. Их много. Мне кажется, даже чересчур. При таком подавляющем превосходстве можно согнать их с позиции уж очень отчаянным броском и бесшабашным устрашением. Но как это сделать?

– В атаку! – не став тянуть кота за хвост, командовал командир. – Вперед, братцы! Бей врага!

Растянувшиеся в цепь красноармейцы рванули в атаку. А я, присев на колени, мягко выжал спусковой крючок и свалил прячущегося за перевернутой телегой мужика с охотничьим ружьем. А потом рванул следом.

Я бежал. Едва не споткнулся. Стрелял. Свистели пули. Казалось, прямо над ухом короткими очередями щелкал пистолет-пулемет Томпсона. Атака – это безжалостная лотерея. Кому-то повезет вытащить несчастливый билет. Кому-то улыбнется счастье, и пуля пролетит мимо.

Вжик – пролетела, проклятая, чуть ли не около уха и ушла вдаль. Значит, не моя была... Бежим. Стреляем. Кричим.

Нам еще повезло, что у «освободителей» не имелось пулемета. Иначе шансов у нас не было бы. Но и без пулемета ответили нам плотным огнем. И я понял – не прорвемся. Положат на подступах.

– Отступаем! – заорал командир. Он понял то же самое и не собирался понапрасну губить своих людей.

Пришлось отходить обратно, к полосе леса, а где-то и отползать под огнем. Перед селом осталось лежать безжизненное тело красноармейца. Еще трое были ранены, и санинструктор бросился их перевязывать.

Мы залегли, чтобы не стать жертвой случайной пули. В нас постреливали, но больше для порядка.

Перевели мы дыхание, лежа на земле и разглядывая противника.

Красный командир задумчиво посмотрел в сторону деревни и сказал:

– Если сейчас не снесем, то, считай, опоздали. Убьют актив. Укрепятся еще сильнее, силу свою почувствуют. Нет, надо их немедленно атаковать.

– Да я завсегда. Коль страшна тебе атака, то ты вовсе не вояка, как говаривал мой командир. Но вот только как? Вон у них стволов столько. А у нас потери.

– Вторая попытка. Натиск, напор и наглость города берут. Пан или пропал!

Командир огляделся на своих притихших бойцов. Неудавшаяся атака действует деморализующе. И вдруг весело, отчаянно заорал:

– Вперед, красноармейцы! Раздавим контру!

И рванул вперед как бешеный. Я устремился за ним, видя, как срываются с места красноармейцы и бойцы добровольческой дружины.

Хороший командир умеет своей энергией толкнуть вперед бойцов. Подразделение вдруг стало единым, хищным организмом, для которого главное в этой жизни – раздавить врага, впиться ему в глотку зубами. Тут уже не думаешь о себе, о пулях и боли. Ты должен идти вперед. И твоя ярость бежит впереди тебя, пригибая траву и сминая волю противника.

– Ура-а-а! – послышался старый русский клич, заставлявший цепенеть врагов земли Русской многие столетия.

И к этому «ура» добавилась отчаянный треск «мистера Томпсона». Командир, отчаянно матерясь, стремительно продвигаясь вперед, щедро поливал обороняющихся, даже не особо стремясь попасть в цель. Патронов он сейчас не жалел, отбросил пустой диск, прикрепил второй.

И расчет на напор и наглость сработал. Крестьяне и есть крестьяне. Сила агрессивная, жестокая, но неорганизованная. И под новым натиском, ошарашенные треском длинных очередей, они сперва пригнулись. Потом один перекрестился и бросился прочь. Вскоре бежали и остальные.

Теперь главное не ослаблять нажима. Перво-наперво – освободить актив. А это значит – стремительно двигаться вперед по селу, где из каждого дома в тебя могли выстрелить.

Красноармейцы действовали достаточно умело, прикрывая друг друга, выцеливая сопротивляющихся. Из двухэтажного деревянного дома по нам открыли отчаянную стрельбу, заставив залечь за укрытиями нашу штурмовую группу.

– Сейчас умиротворим, – пообещал я и рванулся вперед, используя укрытия – сарайчики, дровни, заборы, ямы.

Тут уж мои навыки разведчика сыграли, и я смог подобраться к дому на нужное расстояние. А потом воспользовался моим любимым оружием – гранатой, которую я занюхал еще перед выходом на боевую задачу.

– На! – воскликнул я азартно.

Бросок получился мировой. Угодил я точнехонько в окно на втором этаже, откуда по нам лупили из нескольких стволов. Грохнуло, хлопнуло, пошел дым, что-то осыпалось, треснуло.

И оставалось только, не мешкая, ворваться в дом и безжалостно добить шевелящихся. Один мужичонка, оглушенный и не понимающий, что творится, все же вовремя сообразил поднять руки и прохрипеть:

– Сдаюсь, православные! Не казните!

По ходу продвижения по селу мы разметали еще одну баррикаду из телеги и всякого деревянного мусора. Вторая штурмовая группа шла параллельно.

На сельской площади, где бунтовщики уже собрали народ на аутодафе, хватило двух выстрелов в воздух, чтобы враги побросали оружие и сдались.

Основная масса бунтовщиков все же уцелела. Бандиты не бросились грудью на пули, не стали сдаваться. Они просто попытались позорно сбежать из села неорганизованной толпой, подбадривая себя выстрелами в воздух.

Но вот только им это не помогло. С той стороны села их умело размазал подходящий отряд войск ОГПУ, у которого имелся даже пулемет. Застрекотал тот методично.

Вскоре оба наших подразделения начали основательную проверку села. Шли от хаты к хате, стреляя при малейшей опасности. Расставляли во дворах и на улице всех мужчин с поднятыми руками. По ходу выявляли боевиков с помощью освобожденных активистов, отводили негодяев в сторону, борясь с желанием расхлопать их на месте за творимые зверства.

Последним брали просторный кулацкий дом, где окопалась целая группа разбойников. Они отстреливались и сдаваться не желали.

– Выходи, – крикнул я. – Убивать не будем!

Там молчали. Потом послышался глухой мужской бас:

– На нас крови невинной нет. Мы в богопротивных казнях не участвовали! Поклянись, что по совести все будет!

– Да клянусь! – крикнул я в ответ. – Хватит уже кровь лить!

И из дома с поднятыми руками начали выходить бородатые кряжистые мужики, чем-то похожие друг на друга. Первым шел статный пожилой мужчина, смотрящий окрест себя гордо и скорбно.

– Как звать? – спросил я его.

– Пантелеймон Иванович мы. Из Агафоновых.

Ну вот и встретились. Он-то мне и нужен...

Глава 9

Штаб нашей небольшой группировки располагался в Нижнереченске. Пару лет назад поселок городского типа вырос в статусе в ранг города, но все же больше походил на поселок – жалкая одноэтажная застройка, заборы и плетни, сады и огороды. Жил городишко в основном за счет речного порта, небольшой мебельной фабрики и еще нескольких небольших предприятий. Хотя изначально здесь и концентрировалась верхушка антисоветского заговора, но сейчас сюда восстание не докатилось. Да и перспектив оно тут не имело бы – народ в районном центре по большей части рабочий, ему не до крестьянских бунтов.

В административных и общественных зданиях, в заводских конторах разместились штаб борьбы с бунтом, прибывающие войсковые подразделения и сотрудники различных ведомств. Поликлиника была превращена в лазарет, куда доставляли раненых – наших бойцов, противников и просто невинно пострадавших.

В этом лазарете я увидел хирурга, взятяг курящего на крыльце папиросу. Мы церемонно поздоровались. Яцковский опал с лица, взгляд у него был отсутствующий, но глаза наполнились радостным лихорадочным блеском, когда медсестра прокричала:

– Вениамин Ираклиевич, у нас очередной пациент!

И он резко сорвался с места. Было видно, что человек не спит, не ест вовремя, работает на износ и всему этому счастлив.

Другой мой знакомый – Идеолог – со своей свитой обосновался вполне комфортно в здании школы. Оттуда он, как Наполеон, взмахом руки отправлял подчиненных ему агитаторов на идеологический бой – в освобожденные села. Да и сам не стеснялся съездить в растревоженное осиное гнездо и выступить перед народом с зажигательной речью. Это дело он знал и умел.

При отделе милиции имелось несколько камер для временно задержанных и арестованных, но, конечно, наплыв такого количества новых постояльцев они выдержать не могли. Арестовано уже было больше двух сотен человек. Потому несколько зданий на юге города в припортовом районе – склад, нэпманский лабаз, строящаяся картонная фабрика были определены для их содержания. Так появился целый арестантский квартал.

В этот арестантский квартал доставили и мы своих пленных с Лебяжьего. Со старшим Агафоновым я так и не успел обстоятельно переговорить. Лишь закинул вопрос про сына, получил в ответ гордое молчание и понял – орешек крепкий, его стальными щипцами давить надо.

Да и не до него было. Когда пожар вокруг, все для тебя меняется, в том числе приоритеты. Надо тушить огонь и спасаться, а не по заведенной привычке разогревать чайник, резать бутерброд и выкуривать сигару. Ситуация чрезвычайная, не до старых дел, числящихся в твоём производстве. Вот только старые дела имеют особенность никуда не деваться, и к ним все равно придется возвращаться.

Что касается работы с бунтовщиками, то ее был просто завал. Бесконечные допросы, когда перед глазами рябит бескрайняя череда лиц, и начинаешь теряться, кто же тебе что сказал. Выявление и изоляция зачинщиков. Документирование преступного поведения подозреваемых. То, без чего настоящая чекистская работа невозможна. Долго, нудно, кропотливо, утомительно, зато в итоге перед тобой предстает полная картина, и каждому классовому врагу воздается по заслугам. А «заслуг» у мятежников было немало. Одни вырезанные сельсоветы и убитые учителя с медсестрами чего стоят.

Занимая села и объявляя мобилизацию, бунтовщики набирали людскую массу. Сперва их было не больше двух сотен человек, через пару дней уже семьсот, а сейчас количество подбиралось к тысяче. Вот только с вооружением дела у них обстояли неважно. Часть архаровцев имели винтовки, гранаты, револьверы, шашки из заранее припасенных «Крестьянской вольно-

стью» запасов, а также появившихся после нападений на пункты милиции, военизированные организации. Но у большинства народа были только охотничьи дробовики. А у многих так и просто палки, вилы, топоры.

Передвигались бандиты довольно быстро. Везде изымали лошадей, телеги. Набирали запасы, а иногда просто грабили «большевиков и их приспешников», в которых записывали произвольно кого вздумается, и часто расправлялись жестоко – топориком по голове, засов задвинуть да подпалить запертый сарай. Чего не сделаешь ради народной воли!

Первые дни казалось, что мы с нашими наличными силами, особенно учитывая большие территории охвата, необходимость рассредоточения бойцов, не справимся с этой растущей лавиной. Но я уже имел кое-какой опыт и знал, что страхи эти излишни. Проходил уже такое и в Тамбове, и когда стажировался в специальной группе ОГПУ, заточенной как раз на подавлении мятежей. Потому что повстанцы, особенно из крестьянства, всегда будут организованы и вооружены хуже регулярных войск. А еще вечный вопрос дисциплины, когда каждый архаровец творит, что ему нравится, а не то, что надо. Тем более, как всегда в таком кровавом загуле, в рядах мятежников процветали ощущение вседозволенности и повальное пьянство. Винные склады атаковались в первую очередь. И тогда допивались до свинячьего состояния не только простые мужики, а даже старообрядцы, у которых в обычное время на спиртное строжайший запрет.

Так и получалось, как я просчитывал. Восстание ширилось, но вместе с тем теряло твердость, единство и все больше напоминало размазанную по котелку кашу. Им бы надо в единый кулак собраться, да план подробный составить, да порядок в своих нестройных рядах навести. Успеха, конечно, не достигли бы, но головной боли прибавили бы нам сильно. Однако предводителями овладела иллюзия, что успех в том, чтобы поднять на дыбы как можно больше народу. А там хоть трава не расти. Эх, крестьяне, они и есть крестьяне.

В общем, распространялся бунт, как чума. И, как с чумой, главный метод борьбы – это качественная изоляция. Вот и старались изолировать мы лиходеев, как могли – перекрывали дороги, отбивали у них села. Преследовали. И бойцов нам страшно не хватало, даже с учетом мобилизованных в отряды самообороны лояльных советской власти местных жителей и активистов. Нормальных людей, не поддавшихся общему психозу и видевших, куда мятежники тянут крестьянство и какие порядки заводят, было все же большинство, хотя и не подавляющее.

Наша оперативно-следственная работа приносила свои плоды. Помимо протоколирования бесчинств восставших, мы постепенно восстанавливали схему подполья в других местах, которые еще не горели, но которые контрики намеревались запалить в ближайшее время. В райцентре, в больших селах проходили аресты. Заодно мы загребали всех находящихся на оперативном учете противников советской власти. Изымали оружие. И опять допросы, показания. И снова тягостные мысли по поводу того, насколько крупную контрреволюционную сеть мы проморгали.

Дни шли за днями в непрекращающемся напряжении. Но обстановка постепенно менялась. После нескольких ощутимых ударов по мятежникам их боевой дух начал стремительно рушиться. Да и с идеологией у них все было не так радужно. Против кого воевали – это крестьянам объяснили. Против колхозов и хлебозаготовок. А вот за что воевали и как будет выглядеть их победа – тут уж большой туман и еще большие терзания. А еще часть народа, протрезвев и скинув окутавший их дурман толпы, начинала прикидывать: а что же за их подвиги причисляется? И ничего, кроме расстрела, в голову не приходило. Поэтому многих посетила самая здравая в таком положении мысль – пора бежать.

Местами повстанцы отступали. Местами дезертировали. Потом началось общее паническое бегство. Кто просто бросал оружие, кто прятался по домам и затаивался, кто бежал в леса. Восстание было деморализовано.

Бои были порой кровопролитные. Но всегда поле боя оставалось за нами. И вот настал долгожданный миг – последний организованный отряд повстанцев, не более полусотни человек, окопался в селе Тимофеево, куда я и отбыл вместе с бойцами войск ОГПУ.

Начали штурм мы на рассвете и уже к полудню заняли фактически все село, взяв в плен пару десятков бандитов, перебив столько же.

Последние повстанцы засели в белоснежной Свято-Троицкой церкви с золотыми куполами и создавали нам немалые проблемы. Там враг установил пулеметную точку. Оттуда и шпарил по нам «максим» – и где только взяли его, гады, вещь-то дорогая и редкая. И патронов было в достатке – лупили не жалея и достаточно умело.

Мы скрывались во дворах и за домами. И никак не могли подойти к церкви.

Командир отряда ОГПУ, усатый, тертый мужик в кожаной куртке и кожаной кепке с красной звездой, попытался показать пример и попробовал собственноручно снять пулеметчика из винтовки. Но далековато было. Промазал и страшно обиделся:

– Вот ведь сукины дети! Прячутся, как тараканы в щелях!

– Дай-ка я попробую. – Я взял у него «мосинку».

Командир скепсиса не скрывал:

– Ну, давай, уполномоченный, покажи, что вас не только дела подшивать учат.

Да, учили меня многому, притом учила больше война. Это как научиться однажды плавать – навыки никуда не деваются. Я умело скользил между укрытий, прятался за складками местности и строениями. И наконец присмотрел за пленницей удобную позицию, достаточно близко к церкви. Теперь надо было перевести дыхание, чтобы руки не дрожали. А там можно и заявить о себе со всей свинцовой категоричностью.

Противник заметил какое-то движение в моей стороне и высказал свое недовольство длинной очередью. Пули простучали по доскам сарая за моей спиной. Я замер, затаившись. Настала тишина. То ли позабыл пулеметчик обо мне, то ли ждет, когда я высунусь.

Я отполз немножко в сторону. Выглянул из-за пленницы. Вон пулеметное гнездо, в арочном окне под куполом церкви. Даже цилиндр ствола «максима» различим. И зеленый противопульный щиток.

Я поднял винтовку. Замер. Стал ждать. И когда в проеме появилась неприкрытая щитком голова пулеметчика, аккуратно нажал спуск.

Голова дернулась. Пулеметчик распрощался с жизнью. А я заорал что есть силы:

– Готов!

И пулеметчик готов. И я еще годен на что-то!

Главное, теперь не медлить и идти вперед. Враг лишился основного прикрытия. И мне теперь оставалось только контролировать, чтобы за пулемет не сел никто другой и чтобы не откатали пулемет на новую огневую точку.

Наши бойцы ринулись в атаку. Со стороны обороняющихся прозвучало еще несколько винтовочных выстрелов. Но атакующих не могло сдержать ничто.

Вскоре из церкви стали выводить пленных, картинно задиравших руки вверх и нарочито демонстрирующих свою покорность, – их было четыре человека, и умирать они как-то совсем раздумали. Перед ступенями церкви разложили в ряд тела погибших мятежников. Притащили и пулеметчика, который доставил нам столько неприятностей, ранив нескольких наших боевых товарищей.

– Экий ты везучий, – сказал командир отряда ОГПУ, глядя на меня, как мне показалось, с завистью. – Самого Тиунова шлепнул.

– Вот и конец «Крестьянской вольнице», – усмехнулся я, разглядывая человека, утопившего район в крови. Вряд ли он хотел вот так вот закончить свою никчемную жизнь. Вынашивал планы, надувался от самомнения, злобы и самодовольства, считал, что вершит людские судьбы. Это страшно притягательный наркотик – иллюзия вершителя судеб. Ну и в конце кон-

цов его судьбе подвел итог мой выстрел из «мосинки». Только я себя вершителем не считаю. Так, инструмент возмездия и средство наведения справедливости.

С задачей мы справились. Правда, останется зачищать много концов, выносить приговоры, искать сбежавших. Но это уже меня не будет касаться. Не моя линия – есть кому с этим работать.

А на мне висит дело сектантов. И я намерен теперь, переведя дыхание, начать тянуть ниточку. То есть допросить старообрядца Пантелеймона Ивановича Агафонова...

Глава 10

– Полтысячи контры. К стеночке бы их всех. Или лучше перевешать. А вы все цацкаетесь! – сплюнул в сердцах Идеолог, наблюдая в окно, как по улице ведут очередную партию пленных.

– Мы ж не буржуи какие-нибудь английские, чтобы массово народ расстреливать, – произнес я, завязывая тесемки на очередной папочке из скопившихся на столе в выделенной мне под рабочий кабинет небольшой комнате, где на полках от старых хозяев остались конторские папки и брошюры по маслособойному производству. – Все должно быть по закону и по совести.

– По закону! – возмутился Чиркаш. – Эх, размякли мы совсем! Забыли, что такое пролетарская воля, которая сильнее закона! В восемнадцатом всех бы в расход! А Глушин уже половину по домам распустил!

Действительно, руководящий операцией заместитель постпреда ОГПУ Глушин, когда количество арестованных перевалило за все разумные рамки, по окончании необходимых мероприятий и допросов отпустил по домам насильно мобилизованных бандитами и тех, кто просто шел вместе со всеми по дури или со страху, но рук кровью при этом не замарал.

– Это преступная мягкотелость... По закону. Эх, не пытали тебя, малец, в застенках господа белогвардейцы, – с досадой махнул рукой Чиркаш.

Я бы ему много мог сказать. И про застенки. И как вешают. И ты, малец, смотришь, как белогвардейская мразь накидывает петлю на твоих родных – отца и мать, потому что они за большевиков и за революцию. И как потом двенадцатилетний пацан прибивается к полку, ставшему ему родным домом, и уже к четырнадцати становится матерым разведчиком, лазящим в тыл врага, как к себе в прихожую. Но, конечно, говорить я ничего не стал. А просто заметил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.